

УДК 81'276.2

ОБ ИНВЕКТИВНОМ ДИСКУРСЕ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ (лингвокультурологический аспект)

КОСАРЕНКО Оксана Тарасовна,кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка,
современной русской и зарубежной литературы,
Воронежский государственный педагогический университет**КОСАРЕНКО Сергей Викторович,**кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков
и культуры речи,
Воронежский институт ГПС МЧС России

АННОТАЦИЯ. В статье дается лингвокультурологический анализ функционирования в современной коммуникации инвективы, обценной лексики. Объясняются причины нарушения языковых и этических норм, отражающие ментальные свойства русского народа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: инвектива, обценная лексика, просторечие, лингвокультурологический принцип исследования.

KOSARENKO O.T.,Cand. Philolog. Sci., Docent of the Department of Russian language,
Modern Russian and Foreign Literature
Voronezh State Pedagogical University**KOSARENKO S.V.,**Cand. Philolog. Sci., Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages and Culture of Speech,
Voronezh Institute of State Firefighting Service, EMERCOM, Russia

ON THE INVECTIVE DISCOURSE IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE REALITY (A LINGVO-CULTURAL ASPECT)

ABSTRACT. The article gives a linguocultural analysis of invective, obscene language functioning in modern communication. The reasons for violations of linguistic and ethical standards that reflect the Russian mentality are presented.

KEY WORDS: invective, obscene language, language of uneducated people, lingvo-cultural principle of research.

Одна из доминирующих тенденций, ощущаемых всеми носителями русского языка, — широкая экспансия ненормативной речевой стихии, а именно инвективной (обценной) лексики, и ее частичная «легализация» в художественной литературе и СМИ [1]. В современном же языке художественной литературы инвективная (обценная) лексика, по наблюдению С.И. Чупринина, частично взяла на себя ту роль, которую в речи персонажей и героя-повествователя прежде играли разного рода диалектизмы, варваризмы и т.п. [2].

Вообще, «инвективная (обценная) лексика» входит в понятие «грубое просторечие», которое характеризуется неопределенностью, «неомогенностью», границы которого чрезвычайно размыты, как считает Т.А. Кудинова [3]. Этим термином в последние десятилетия даже стали обозначать сознательные девиации, а также свойственные носителям языка ненормативные формы, которые возникают неосознанно (это особенно справедливо по отношению к речи эмоционально нагруженной) и используются для создания особого экспрессивного колорита. Однако для лингвистического описания

целесообразно использовать в этом значении термин «инвектива», «инвективная (обценная) лексика».

В целом данные маргинальные проявления социально обусловлены и связаны с урбанизацией, с речевой культурой населения, оторванного от диалектной среды. Известно, что социальной базой носителей городского просторечия являются малограмотные жители городов, недавние переселенцы из сельской местности [4, с. 4, 101]. Естественный процесс формирования наддиалектных типов нелитературной речи был деформирован революционными событиями прошлого века. Именно противостояние города и деревни, окончившееся гибелью нашей сельской цивилизации, — самая главная проблема XX века, считает А.М. Панченко. «Более страшным, чем большевистский переворот, событием стало вынужденное переселение, на протяжении жизни одного поколения, сельских людей в чуждый им город» [5].

Как форма социального протеста вульгарные проявления просторечия (простонародной речи) в древности, такие как оскорбление личности, поношение, — факт более поздней истории, связанный,

по мнению В.В. Колесова, с крепостным правом, а еще раньше с татаро-монгольским игом [6, с. 46]. Как показывают современные исследования, инвективные проявления в Интернете связываются в большей мере «с противодействием реализации потребности в безопасности (43,6%)» [7].

Простонародная речь деревни XIX столетия противопоставляется Н.А. Некрасовым речи образованного класса. По свидетельству поэта, речь простого люда была чужда осуждающей экспрессии и отличалась в оценке человека «деликатной уклончивостью». Эта речь носителей традиционных ценностей скупа на «резкие эпитеты», а меткие народные названия (типа *тетеря, ворона, сорока, пропащий человек, вахлак, войлок, увалень, рохля* и под.) заменяют «жесткую определенность приговоров образованного класса» и неблагозвучные слова (*шаромыжник, мазурик, жулик* и под.), принятые в других классах [8, с. 253–254].

Общественная лексика занимала свое место в народной смеховой культуре. Смех является желанным и беспечным, потому что освобождает от условностей. В наше время изменился характер смеха, поводом для которого стал вторичный текст. Отсюда ироническое осмысление прецедентных текстов (стеб, переименование классики, римейки, языковая игра и т.п.). Если «вербальная артикуляция табуированных реалий и действий» [9, с. 420] «погружает инвектанта в ситуацию, фактически аналогичную ситуации карнавала», и позволяет безнаказанно нарушать литературные и этические нормы, то достаточно устранить эти два фактора (ситуацию карнавала и безнаказанность), чтобы восстановить гармонию общения.

Действительно добродушный и задушевный смех (хранившиеся в языке ментальные образы внутренней силы), по словам сатирика М.Е. Салтыкова-Щедрина, задевает все лучшие, свежие силы сердца: «Вот, среди диссонансов народного говора... до вас доносится... добродушно замысловато-крепкое словцо... раздаётся острога, но такая меткая и хорошая, что... из сознания вашего мигом изгоняется всякое сомнение в возможности будущей гармонии» [10, с. 257]. Но социальной гармонии нам не достичь, пока языковая среда переполнена осуждением ближнего, клеветой, унижением других; когда в ней возобладает дух отрицания личности, тогда между людьми встает бранное слово. Распространению низовой культуры в языке, в общении способствует и «романтизация» преступного образа жизни в кино и других средствах массовой информации. В качестве основных причин нарушения этического запрета на употребление бранных слов называют и духовную незрелость, и эстетическую неразвитость говорящего. Однако сколько бы современная школа не уделяла внимания эстетической значимости языка, не формировала неприятия к инвективной (общенной) лексике, «такую речевую практику не вытравить никаким уровнем образования», – замечает по этому поводу Н.С. Валгина [11, с. 122].

Действительно, приближение к нравственному идеалу зависит не от качества преподавания (профессионализма учителя и содержания рабочих программ), а от «правильного восприятия и усвоения преподаваемого» учащимися, – утверждал известный культуролог XIX в. Н.Я. Данилевский. В этом деле почти исключительное влияние на учащуюся молодежь имеют те господствующие в обществе идеи, которые «влекут неудержимо за собой в хорошую или дурную сторону» [12, с. 399–306].

Больше того, частное зло (как например, вульгаризации речи) невозможно исправить, если остается неизцеленной общая «болезнь». Таковой в XIX в. была «подражательность», то есть некритическое восприятие даже интеллигентней плодов самобытного развития иной культуры, подражание западноевропейским интеллектуалам в поиске новых идеалов и в нигилистическом отвержении старых. По форме это было, скорее, утрирование чужих идей, заимствуемых в готовом виде, или эклектика, лишенная самостоятельности в исследовании и выводах.

Логика дальнейших событий позволила историкам сделать важное открытие о возрастающей в XX в. роли идеологии и о связи тоталитарного сознания с ростом девиации в Европе и России. Где «интернациональная» или «национальная идея» – «там ложь, где ложь – там принудительное ее распространение (ибо лжи добровольно не принимают), а где принуждение – там и соответствующий аппарат власти» [13]. Дело в том, что искусственные, рассудочного происхождения идеи, руководящие государством, с одной стороны, и навязываемые обществу – с другой, не являются органичными для национального менталитета и языкового сознания и для большинства граждан, соответственно, не действуют в качестве внутренней силы.

В среде же революционно настроенной молодежи употребление в речи табуированной лексики должно было, прежде всего, продемонстрировать собеседнику определенную реакцию на систему запретов. Вместе с тем рассматриваемые стилистические средства сниженной экспрессии помогали усилить речевое воздействие на слушателя: основная установка агитационного типа речи здесь на то, чтобы убедить, не доказывая, хотя основания для такого предпочтения просторечных форм спорны и неоднозначны, «ибо нет убедительности в поношениях» (А.С. Пушкин).

Далее уже при советской власти вся система российской печати XX века сформировала несколько поколений советских людей, догматически доверяющих печатному слову. «Тексты СМИ становятся образцом для подражания не потому, что они являются образцовыми, а потому, что читатели привыкли видеть в них реализацию нормы» [14].

То же некритическое восприятие информации, нежелание осознать новые стандарты поведения, предлагаемые СМИ, ставшие новым центром нормообразования, наблюдаем и сейчас и считаем это главной причиной упомянутого хронического недуга, а вульгаризацию – его симптомом. Располагая эффективными средствами агитации и пропаганды, современные СМИ участвуют в распространении пошлости, криминализации и вульгаризации разговорной речи, чутко реагируя на изменение коммуникативных потребностей россиян в связи с общим раскрепощением («демократизацией», «плюрализацией» общения) русской социальной жизни в последние десятилетия. И бранная лексика служит своеобразным мериллом этого раскрепощения и самоактуализации [15, с. 50–73]. Поэтому только каждый седьмой россиянин (15%), по данным ВЦИОМ 2005 г., обращает внимание на недопустимость использования грубой лексики в СМИ (в частности на ТВ).

Для более глубокого понимания сути происходящего необходим лингвоэкологический, лингвокультурологический анализ соответствующего материала и особенностей его функционирования в современной коммуникации. Лингвокультурологи-

ческий принцип исследования заключается в рассмотрении этически значимых слов как «слепков» культуры, содержащих ассоциативный ряд традиционных ментальных представлений [16]. Чем более адекватно то или иное отклонение от языковых и этических норм отражает ментальные свойства народа, тем более последовательно это явление находит свое отражение в языковом сознании народа вообще и в языковом строе в частности.

Ожидание того, что формирование элитарной языковой личности с высоким интеллектуальным, творческим и нравственным потенциалом должно исключать использование брани и инвективы, однако, не исключает того факта, что русская цивилизация закономерно воспроизводит сложные и противоречивые характеры. «Только одна Россия могла произвести подобное разнообразие характеров, – на это еще указывал Н.В. Гоголь и пояснял, – и только в нынешнее время трудных обстоятельств, расслабленья и развращенья общего, повсеместной ничтожности общества, могли они образоваться» [17, с. 346]. Таким образом, своеобразие русского человека как типа следует искать в особых условиях жизни: «Суровые условия природной и социальной жизни выработали разные типы личностей и их переменчивых вариантов, как бы с запасом на прочность: а вдруг понадобится и тот и этот – все погибнут, всё переменится, а мы – спасемся?» [18, с. 214].

Разумеется, в каждой цивилизации присутствуют все типы личности. Разница лишь в доминанте и в динамике дальнейшего развертывания культурной парадигмы, изменения ее структуры. В адыгейской культуре, например, традиционно высоко ценилось красноречие, лишённое грубых выражений. Адыги очень дорожили общественным мнением, боялись отлучения от общества. Это служило мощ-

нейшим фактором, препятствующим развитию инвективной лексики в адыгейском языке [19].

Говоря о современной молодежи, в том числе о студентах и курсантах, нельзя не отметить, что большинство имеет слабое представление о христианской культуре и традиционных морально-этических нормах. Без этого нельзя соотнести любое абстрактное знание (научное, философское) с собственной жизнью. Иеромонах Серафим Роуз утверждает, что одно из важнейших нравственных учений православия для наших дней есть «святоотеческое учение о *болезновании сердца*» [20]. Отсутствием этого существенного опыта прежде всего и обуславливается недостаток серьезности и пошлость, к которым присоединяется крайнее критическое отношение ко всему, что не соответствует все возрастающим запросам современных молодых людей. Как следствие, разочарование и девиация – верные признаки того, что подход к духовной жизни был изначально односторонним.

Очевидно, что обценная лексика и инвектива как реалии современной языковой действительности не должны замалчиваться. Несмотря на то, что инвективная лексика функционально богата и используется для того, чтобы: 1) речь сделать более эмоциональной; 2) разрядить психологическое напряжение и др.; 3) оскорбить и опорочить адресата речи; 4) показать, каким свободным и раскованным является говорящий; 5) продемонстрировать собеседнику свою реакцию на систему запретов; 6) сигнализировать о принадлежности говорящего к «своим», – она, несомненно, разрушает речемыслительный и художественно-образный потенциал языковой личности – равным образом говорящего/пишущего и слушающего/читающего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Загоровская О.В. Русский язык на рубеже XX–XXI веков: Исследования по социолингвистике и лингвокультурологии / О.В. Загоровская. – Воронеж : Научная книга, 2013. – 232 с.
2. Чупринин С.И. Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям : словарь / С.И. Чупринин. – М., 2008. – (<http://magazines.russ.ru/znamia/red/chupr/book/non137.html>).
3. Кудинова Т.А. Языковой субстандарт: социолингвистические, лингвокультурологические и лингвопрагматические аспекты интерпретации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т.А. Кудинова. – Нальчик, 2011. – (<http://www.dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filologiya/a142.php>).
4. Собиинникова В.И. Диалекты и просторечие в составе национального языка (по данным исторического языкознания) / В.И. Собиинникова. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1992. – 112 с.
5. Беседы с академиком А.М. Панченко // Звезда. – 2012. – №5. – (<http://magazines.russ.ru/zvezda/2012/5/p7.html>).
6. Колесов В.В. Язык города / В.В. Колесов. – 2-е изд. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 191 с.
7. Нагуар З.К. Типология инвективной лексики в разносистемных языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук / З.К. Нагуар. – Майкоп, 2004. – (<http://www.dissercat.com/>).
8. Н.А. Некрасов // Русские писатели о языке : хрестоматия / под общ. ред. А.М. Докусова. – М. : Учпедгиз, 1954. – С. 248–256.
9. Можейко М.А. Инвектива / М.А. Можейко // Новейший философский словарь. – 3-е изд., исправл. – Минск : Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
10. М.Е. Салтыков-Щедрин // Русские писатели о языке : хрестоматия / под общ. ред. А.М. Докусова. – М. : Учпедгиз, 1954. – С. 257–269.
11. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке : учебное пособие для студентов вузов / Н.С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 304 с.
12. Данилевский Н.Я. Происхождение нашего нигилизма / Н.Я. Данилевский // Горе победителям! : сб. статей. – М. : Алир, 1998.
13. Ульянов Н. Патриотизм требует рассуждения / Н. Ульянов // Новый Журнал. – 2012. – № 269. – (<http://magazines.russ.ru/nj/2012/269/u21.html>).
14. Скороходова Е.Ю. Динамика речевых норм в современных текстах средств массовой информации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е.Ю. Скороходова. – М., 2008. – (<http://davaiknam.ru/text/dinamika-rechevih-norm-v-sovremennih-tekstah-sredstv-massovoj-page-3>).
15. Мокшенько В.М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное / В.М. Мокшенько. – Берлин, 1994. – № 1/2. – (<http://www.philology.ru/linguistics2/mokiyenko-94.htm>).

16. Дмитриева Н.М. Этический аспект культуры русской речи. Лингвокультурологический анализ словаря студентов-агровиков : дис. ... канд. филол. наук / Н.М. Дмитриева. – Челябинск, 2005. – (<http://www.dslib.net/>).
17. Гоголь Н.В. Страхи и ужасы России / Н.В. Гоголь // Выбранные места из переписки с друзьями. – (<http://feb-web.ru/feb/gogol/texts/ps0/ps8/ps8-343-.htm>).
18. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте / В.В. Колесов. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.
19. Нагуар З.К. Типология инвективной лексики в разносистемных языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук / З.К. Нагуар. – Майкоп, 2004. – (<http://www.disscat.com/>).
20. Иеромонах Серафим (Роуз). Святые Отцы Православия / Иеромонах Серафим (Роуз). – Интернет-издание Вэб-Центра «Омега». – 2000. – Гл. 3. – (www.wco.ru/biblio).